В столице дважды свершилась передача прав на управление Дун Линем, и лишь немногие знали об этих шокирующих событиях.

На следующее утро жители рано и осторожно вышли из своих домов. Они спали, как их просили, всю ночь. Несмотря на бесконечный огонь и звуки битвы, император все еще был императором, а императорский дворец оставался императорским дворцом.

Служащим была обеспечена безопасность, в то время как заключенные чиновники были доставлены в императорский дворец. Император Дун Линя вызвал их одного за другим, не ругая, но хваля, например, Правого министра оказавшего помощь, дав верный совет.

Все знали, что это подразумевало и не были в восторге.

Кроме нескольких, оказавших упорное сопротивление во время вторжения, не было больше травм и смертей, но император все же выдал пенсии их семьям.

Мощные войска Дун Линя остались на месте, но знаменитый генерал, герцог Чжэнь-Бэй, уже ушел.

По дороге покрытой желтой грязью медленно продвигалась вперед вереница повозок без флагов.

В ней были повозки и лошади. Лица всадников были потерянными, наполненные явным нежеланием, а свет изредка вспыхивал в их глазах. Две повозки посередине предназначались для женщин и детей, в то время как остальные две были неизвестно для чего, но они, казались, тяжелыми, так как колеса оставляли глубокие следы в грязи.

Ни одна из повозок не была особо роскошно украшена, но они казались достаточно дорогими, так как их рамы и колеса были сделаны из чрезвычайно редкого, хорошего дерева. Простые, но ценные.

После долгой ночи в повозке, Чу Бэй Цзе, наконец, закрыл глаза.

Кризис в Дун Лине закончился. После этого инцидента император Дун Линя больше не подозревал его в убийстве двух принцев.

Но отец потерял сыновей, старший брат потерял младшего брата, а у Дун Линя больше не было генерала, защищавшего страну.

Дун Линь теперь должен был справляться с ужасными последствиями на много лет вперед. Даже Чу Бэй Цзе не смел этого представить.

Но яд появился из ее рук.

Чу Бэй Цзе поднял руки, глядя на толстые, твердые мозоли, вызванные слишком долгим обращением с мечом. Он вспомнил ее руки, ее тонкие пальцы, белые и нежные. Руки, которые касались циня, собирали цветы и могли также послать яд.

- Самое ядовитое на свете... на самом деле, женское сердце? - Он сузил чернильно-черные глаза.

Не желая, чтобы кто-нибудь заглянул в глубину его глаз, он закрыл их, задумавшись. Через некоторое время его дыхание успокоилось и постепенно, казалось, он заснул.

Дорога была ухабистой, заставляя повозку подпрыгивать вверх-вниз. Шаг за шагом он двигался все дальше и дальше от прошлого.

Возница повозки, словно, споткнувшись о камень, на мгновение остановился. Спокойное дыхание Чу Бэй Цзе замерло, и он выпрямил спину. Затем, будто придя в себя, крикнул:

- Остановите повозку.

Он откинул занавеску, и его тело начало дрожать.

На обочине дороги стояла тонкая фигура. Одна ее рука гладила лошадь, а другая державшая поводья, касалась кончиков не скошенной травы рядом с ней. Услышав что отряд остановился, она повернулась, чтобы взглянуть на них, явив скорее ошеломленное, а не шокированное выражение, при виде лица Чу Бэй Цзе. Она нежно заявила:

- Герцог, Пин Тин пришла, как было обещано.

Не только Чу Бэй Цзе, но и люди, путешествующие с ним, застыли, словно вырезанные из дерева. Красный рот Бай Пин Тин раздраженно улыбнулся.

- Честно говоря, Пин Тин некоторое время беспокоилась, потому что не знала, как встретиться с герцогом, поэтому мне пришлось ждать у дороги. Если герцог, в конце концов, прошёл мимо Пин Тин, это означало, что наша судьба закончилась. Я тоже приехала в Дун Линь, но, похоже, с этого момента у герцога там больше нет никаких связей.

Взгляд Чу Бэй Цзе не покидал улыбающегося лица Пин Тин. Он понизил голос:

- Ясно.

- Тогда... - Бай Пин Тин ясно сформулировала свои слова: - Бай Пин Тин теперь стала членом семьи Чу.

- Членом семьи Чу?

- Герцог забыл? Давай поклянемся Луне, никогда не предавать друг друга.

Чу Бэй Цзе холодно повторил каждое слово, с паузой после него.

- Давай... поклянемся... Луне, никогда... не... предавать... друг... друга?

Глаза Бай Пин Тин были такими же милыми, как и их первую встречу.

- Герцог забыл наше обещание?

- Я помню. - Кивнул головой Чу Бэй Цзе.

- Это обещание все еще чего-то стоит, - Бай Пин Тин изящно подошла, протягивая руку. - Пожалуйста, позвольте Пин Тин следовать за герцогом до края земли, моя честь и смерть решаются герцогом.

Чу Бэй Цзе посмотрел на знакомую маленькую белую руку. Он мог легко коснуться ее.

Он касался этой руки не менее тысячи раз, наслаждаясь ее прикосновением, восхищаясь ей. Он помнил ее тепло и гладкость, подвижность и нежность.

Он никогда не думал об этом раньше, но они также были хитрой парой рук, которые, казалось, были способны обратить вспять облака и призвать по своей воле дождь.

Пин Тин не была удивлена или боялась, просто стояла послушно лицом к нему. Как и раньше, когда пела о красивых женщинах и героях, и солдатах, знающих обман. Ее хрустальные глаза все еще были в состоянии говорить, свет сиял во всех четырех их углах.

Чу Бэй Цзе долго молчал, и наконец нарушив молчание, сказал:

- Пин Тин, ответь на несколько моих вопросов.

- Давайте, герцог.

- Препарат, использованный шпионом из Бей Мо, был изготовлен под твоим руководством?

- Да. - Выражение Бай Пин Тин не изменилось, просто сформулировав одно слово.

- Ты знаешь, что принцы Дун Линя, мои собственные племянники?

Бай Пин Тин посмотрела на него, и свет в ее глазах вспыхнул, когда она вздохнула:

- Знаю.

- Ты помнишь, что поклялась не причинять вреда моей семье.

- Помню.

- Я, Чу Бэй Цзе, не из тех, кто отказался бы от мести за свою семью, только ради женщины.

Бай Пин Тин слышала гнев Чу Бэй Цзе и печальная улыбка заиграла на ее губах.

- Ясно. Пин Тин понимает все, что сказал герцог. Так как герцог желал найти Пин Тин, Пин Тин не имеет смысла пытаться спрятаться, поэтому герцог может делать все, что захочет.

- Один последний вопрос. - Чу Бэй Цзе колебался, строго спрашивая: - Ты знала, что в любом случае умрешь, но зачем стала камнем преткновения, тревожа мое путешествие?

Бай Пин Тин казалось, будто её сердце пронзили. Ее тело внезапно покачнулось, а ее говорящие глаза тихо наблюдали за Чу Бэй Цзе. Ее голос погрузился.

- Пин Тин - дурочка, но герцог тоже дурак. Даже если я буду говорить до тех пор, пока рот не пересохнет, герцог поверит моим словам? Все уже стало большой ошибкой, мы никогда не вернемся к тому, какими были. - Не имея возможности сказать других слов, слезы заскользили по ее щекам на землю.

Солнце садилось.

На сухой желтой дороге не осталось трупов.

Тонкая, молчаливая фигурка присоединилась к тихой веренице повозок и лошадей.

Чу Бэй Цзе понял, что руки, которые держатся за сердце и меч, не всегда избегают конфликтов.

<http://tl.rulate.ru/book/8939/489945>